

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-30603>

EDN: MYARUZ

Research article / Научная статья

Linguacultural aspects of the value and semantic attitude to the speech act of promise in Russian

Marina V. ZAGIDULLINA¹, Asghar GHODRATI²,
Maryam SHAFAGHI²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

² Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

marta@csu.ru

Abstract

The study develops the speech acts theory in terms of the “condition of sincerity” (Searle 1965). It aims to identify the attitude to the speech act of promise in the Russian communicative culture. The article analyzes the statistically significant consolidation of the value and semantic attitude to the speech act of promise considered as a specific action. The data were drawn from the Russian-language corpus ruTenTen11, provided by the research resource Sketch Engine. The corpus linguistics methods were applied to extract a subcorpus of occurrences of the query “promise” (311,365 occurrences) which was used to identify the value and semantic attitude to it. The results showed that in the Russian language, the speech act of promise is perceived mainly negatively. The word “promise” is fused with the lexical and semantic field of the “empty word”. This contradicts the normatively fixed meanings of the word “promise” itself, as well as the essence of the speech act of promise. The “condition of sincerity” in relation to the speech act of promise is marginalized and becomes meaningless. The study showed that the methods of corpus linguistics open the prospect of clarifying the features of not only modern word usage, but also the linguistic and ethnocultural context of such large groups of statements as speech acts. The article contributes to the theory of speech acts in terms of identifying the essential features of the “common ground” (Clark & Carlson 1982) of the participants in communication, as well as contributing to the development of linguistic axiology. The proposed methods can be used to identify the attitude to other speech acts in Russia and other linguistic communities. The results can be used in teaching Russian as a second language.

Keywords: *speech act theory, speech act promise, promissive, linguistic axiology, Russian*

For citation:

Zagidullina, Marina V., Asghar Ghodrati & Maryam Shafaghi. 2023. Linguacultural aspects of the value and semantic attitude to the speech act of promise in Russian. *Russian Journal of Linguistics* 27 (2). 418–443. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30603>

© Marina V. Zagidullina, Asghar Ghodrati & Maryam Shafaghi, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Лингвокультурные аспекты ценностно-смыслового отношения к речевому акту *обещание* в русском языке

М.В. ЗАГИДУЛЛИНА¹ , А. ГОДРАТИ² , М. ШАФАГИ²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран

 marta@csu.ru

Аннотация

Исследование развивает общую теорию речевых актов в части полемики об «условии искренности» (Searle 1965). Цель статьи – выявить особенности отношения аудитории к речевому акту «обещание» в русскоязычной лингвокультуре. В статье анализируется статистически (частотно) значимое закрепление массового ценностно-смыслового отношения к речевому акту «обещание» как определенному речевому действию или поступку. Источником материала послужил русскоязычный корпус ruTenTen11, предоставленный исследовательским ресурсом Sketch Engine. С помощью методов корпусной лингвистики извлечен подкорпус вхождений запроса «обещание» (311 365 вхождений) с целью применения к нему алгоритма анализа, направленного на выявление ценностно-смыслового отношения к обещанию. В результате сделаны выводы, что в русскоязычном узусе сам феномен «обещания» воспринимается преимущественно этически-негативно, сращивается с лексико-семантическим полем «пустого слова», дезавуирует нормативно закрепленные значения самого слова «обещание», а также суть соответствующего речевого акта. «Условие искренности» применительно к речевому акту обещания маргинализируется и становится несущественным. Исследование показало, что методы корпусной лингвистики открывают перспективу уточнения особенностей не только современного словоупотребления, но и прояснения лингво- и этнокультурного контекста таких крупных групп высказываний, как речевые акты. Статья вносит вклад в теорию речевых актов в части выявления существенных особенностей «общего фона» (Clark & Carlson 1982) участников коммуникации, а также в развитие лингвоаксиологии. Предложенные методы могут быть использованы для выявления ценностно-смыслового отношения к другим речевым актам в русской и иных лингвокультурах. Полученные результаты могут найти применение в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: теория речевых актов, речевой акт «обещание», промисив, лингвоаксиология, русский язык

Для цитирования:

Загидуллина М.В., Годрати А., Шафаги М. Лингвокультурные аспекты ценностно-смыслового отношения к речевому акту обещание в русском языке. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 2. С. 418–443. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30603>

1. Введение

Теория речевых актов, которая в общих чертах возникла еще в первой половине XX века и получила концептуальное оформление в работах Джона Остина (Austin 1962) и Джона Серля (Searle 1969), в настоящее время активно развивается в связи с «антропоцентрическим поворотом» в лингвистике. Она сосредоточена, прежде всего, на коммуникативных ситуациях, контексте, условиях общения как смыслообразующих факторах коммуникации. Однако в связи с развитием компьютерной лингвистики исследователи

демонстрируют все более глубокий интерес к так называемым большим данным. Так, Кэролайн Лэск (Laske 2022) отмечает, что компьютерные техники открывают перед исследователем-лингвистом перспективу получения как количественных, так и качественных данных, основанных на обобщении больших эмпирических массивов, а не только на интуициях исследователя и отдельных речевых примерах (Laske 2022: 3). Корпусная лингвистика быстро развивается за счет средств автоматической разметки корпусов, позволяющих получать срезы узуальных практик крупных языковых общностей на фоне массовой цифровизации коммуникативного поля, что создает новую парадигму лингвистических исследований, опирающихся не на отдельные случаи словоупотребления или применения конкретных языковых форм, но на массовые речевые практики (см. о развитии корпусной лингвистики: Чилингарян 2021).

В настоящей статье предлагается рассмотреть возможности корпусной лингвистики в репрезентации частотно значимого массового (в рамках конкретной – русскоязычной – лингвокультурной общности) *отношения* к речевому акту как определенному речевому действию или поступку (на примере речевого акта «обещание»). Выбор такого речевого акта, как обещание, обусловлен его значимостью в политическом дискурсе, публичной сфере, а также длительным вниманием лингвистов, специалистов в области теории коммуникации, философов именно к этому речевому акту (см. подробный обзор истории и современного состояния изучения речевого акта «обещание»: Nabib 2022).

Таким образом, в центре внимания авторов – речевой акт «обещание» в контексте коллективной рефлексии. Предмет исследования смещен с самих промисивов (как речевых актов, обладающих определенной прагматикой, составом, типологией) на отношение к обещанию в языковой общности (то есть аксиологический аспект восприятия речевых актов определенного типа). Принципы сбора материалов, необходимых и достаточных для установления такого коллективного отношения, алгоритм его описания обобщены в статье с целью построения универсальной методики мониторинга сдвигов в этнокультурном контексте восприятия речевых актов. Предлагаемый подход позволяет наблюдать ментально-языковые сдвиги, маркирующие определенные изменения социокультурного уровня, значимые в практиках социального управления и организации общественной жизни, а также в практике обучения русскому языку как иностранному.

Теоретическими основаниями исследования стали собственно теория речевых актов и конкретно «условие искренности», сформулированное Джоном Серлем (Searle 1965, 1969); теоретическое осмысление феномена коллективной (в масштабе лингвокультурной общности) рефлексии речевого акта, построенное на пересечении доменов лексико-семантического поля и концептологии; лингвоаксиологический подход, учитывающий этнокультурную специфику коммуникации.

История развития теории речевого акта, особенности ее связи с теорией речевых жанров, критика основных положений и их разнообразные модификации неоднократно становились предметом внимания лингвистов. В настоящее время для получения представления о состоянии этого научного направления можно обратиться к обобщающим трудам по состоянию теории речевого акта, например, статьям в известных энциклопедиях (Harris & McKinney 2021). Определенный интерес представляет относительно недавно вышедший в Оксфорде сборник статей «Новые труды по речевым актам» (Fogal et al. 2018), в котором представлены обзоры новых подходов к общему «конструкту» речевого акта, а также предлагается типология ключевых интерпретаций этой теории в лингвистике (с позиций конвенционализма, интенциональности, функционализма, экспрессивности и нормативизма – см. Fogal et al. 2018, 2–11). Кратко обобщая состояние теории речевого акта, следует отметить повышение значимости изучения речевых актов в аспекте дискурс-анализа как части более сложных коммуникативных единиц. Для данной статьи важно также, что речевые акты (и их типология, нередко критикуемая за приблизительность и высокую долю условности в проведении границ между различными речевыми актами) имеют большое значение в прояснении динамики коммуникации и описании процессов и изменений в языке. Чтобы разработать подходы к анализу речевых актов как индикаторов таких изменений, следует найти «точку пересечения» теории речевого акта с теорией, которая позволит провести лингвистическое наблюдение не с позиций говорящего или слушающего (конкретных участников речевого акта, чье наличие физически предопределяет осуществление всех элементов речевого акта – локуции, иллюкуции и перлокуции), а с позиций обобщения отношения к речевому акту как устойчивому «шаблону», оформляющему бесчисленное множество коммуникативных актов по их направленности и функциям. Тем самым предполагается преодолеть проблему «условия искренности» (Leech & Larina 2014: 14–15, Ogleznev 2019) как нерелевантную в условиях лингвокультурной предзаданности отношения к конкретному речевому акту в масштабах языковой общности.

Так как исследование новейших работ по теории речевого акта показывает «дискурсивный крен» в этой области философии языка (см., например, Власян, Кожухова 2019, Naugh & Chang 2019), то представляется возможным обратиться к *коллективной субъектности* больших групп людей, осуществляющих коммуникацию на конкретном языке, которая и становится основой проявления оценки речевого акта. В этом отношении релевантно обращение к понятию поля (конкретно – лексико-семантического поля), теория которого также активно развивается в трудах последнего времени. Основоположник этой концепции Й. Трир обращался к словарям любого языка не как к набору единиц – слов, имеющих определенные значения, а как к совокупности пересекающихся и сложно относящихся друг к другу полей. Внутри каждого из этих полей могут быть сотни слов, значение которых усложняется самим

фактом попадания в данное поле, отличается от нормативного значения (запечатленного в словаре). В российской лингвистике теория поля нашла широкое признание и развитие (прежде всего, в трудах Л.М. Васильева, Ю.Н. Караулова; см. историю и обзор современного состояния: Тиллоева 2021). При этом тема ядерных и периферийных элементов лексико-семантических полей получила автономное развитие в виде теории концептов (Стернин 1989); были выпущены словари, позволяющие идентифицировать поля конкретного языка и т. п. (см. историю и анализ самого понятия в недавних исследованиях, например Гиматова 2018). Изучение концептов отчетливо позиционировалось в пространстве лингвокультурологии (Слышкин 2004 и многие другие), при этом собственно полевые особенности (связанные с методом построения лексико-семантических полей) отодвигались на второй план. В современных исследованиях нередко понятие «поля» сводится к ядерно-периферийному описанию концепта (Антропова, Фёдоров 2021).

Между тем очевидно, что лексико-семантические поля (и связанный с ними метод концептуализации лексики) могут быть рассмотрены как адекватный инструмент рассмотрения речевых актов, получающих в таком случае своей «домен» в лексике. Принимая во внимание критику теории речевого акта (особенно активную в 70–80-х годах XX века; см. обзор: Lanigan 1977), а также внимание лингвистической мысли к «слушающему» (адресату высказывания) и – шире – к вопросам успешности коммуникации, предлагается рассмотреть речевой акт в аспекте *внешней* оценки.

Исследование самого феномена коллективной рефлексии речевого акта связано с достижениями лингвокультурологии в области выявления этнокультурной специфики речевых актов. О.А. Леонтович отмечает, что даже внутри одной языковой общности критерии «позитивной коммуникации» (Леонтович 2015) могут не совпадать и порождать конфликты (Леонтович 2019: 183). Т.В. Ларина вводит в научный оборот понятие «коммуникативный этностиль», позволяющий представить коммуникативное поведение общности как когерентную систему (Larina 2015: 213), однако также отмечает, что внутри любой языковой общности обнаруживаемы страты, развивающие свои собственные «каноны коммуникации» (там же, 198). Ряд исследователей развивают мысль о несовпадении реализации одних и тех же речевых актов в разных культурных общностях, их оценке и восприятию (см. Devעי & Midraj 2021, Naugh & Chang 2019, Larina & Ponton 2020, 2022). Эти подходы ко все более глубокому изучению структуры контекста коммуникации тесно связаны с лингвоаксиологией, исследующей формирование, изменения, существенное содержание и манифестацию в языке общих для всей этнокультурной общности ценностей и в целом ее ценностно-смысловой сферы (Thompson & Alba-Juez 2014, *Общая и русская лингвоаксиология...* 2022).

Все эти три теоретических основания стали основой проведенного исследования, направленного на поиск способов установления определенного этноцентричного отношения к речевому акту. В данной статье мы ставим

цель апробировать методы корпусного анализа, обеспечивающие выявление такого отношения к обещанию. Исследовательский вопрос, которому посвящена статья, формулируется следующим образом: *может ли такой речевой акт, как обещание, представать как аксиологический фрейм¹ в лингвокультурной языковой общности (получать коллективную оценку)?*

2. Исследовательские подходы к изучению речевого акта «обещание»

Обещание (и другие типы промисивов) в русском и иностранных языках активно изучалось преимущественно с начала 2000-х годов: строились структурно-семантические и семантико-прагматические модели (Колоколова 2012), выявлялись функционально-прагматические характеристики (Былина 2018, 2018а), анализировалась политическая коммуникация в части такой ее важной составляющей, как предвыборные обещания (Shafaghi 2013); рассматривался рекламный дискурс в аспекте его связей со структурами промисивов (Воейкова 2013 и др.). В зарубежной исследовательской литературе также обнаруживается ряд работ, развивающих теорию речевого акта в области промисивов (например, Pak, Portner & Zanuttini 2008, Koo & Rhee 2013).

Внимание исследователей сосредоточено на речевых актах в их структурном и коммуникативном аспектах, при этом важны наблюдения над промисивами в их связи с построением и артикуляцией кооперативных форм социальности. Так, Кристина Биккери (Biccheri 2005), анализируя социальные нормы, выделяет тему «выполнения обещаний» в отдельный параметр роста кооперативной (конструктивной) сплоченности общества; отмечает, что плотность обещаний в общем публичном дискурсе показывает знак перехода от личностно-ориентированных норм к социальным, одновременно повышая значимость такого параметра, как выполнение данных обещаний (аналог социальной ответственности – см. Biccheri 2005: 163–165). Социальные аспекты промисивов затронуты и в работах Венделина Райха (Reich 2011), полагающего, что речевые акты в принципе показывают коммуникативную зависимость высказываний. Исследователь считает актуальным сдвиг от теории речевого акта к теории со-действий: с его точки зрения, в речевом акте (в том числе и обещании или клятве) содержится сигнал, который слушатель считает как объяснение намерений и целей. Понимание строится в области распознавания цели обещающего, а не сути того, «что он обещает» или «как он обещает» (см. Reich 2011). О «кооперативном» потенциале промисивов подробно рассуждает Е.Э. Былина (2018), о прагматической составляющей обещаний пишут С.Е. Бугрова, В.И. Курышева, К.С. Маштакова (2016).

Интересен социолингвистический анализ промисивов, пересекающийся с аксиологическим подходом. Так, сопоставление лексико-семантических

¹ Под аксиологическим фреймом понимается обобщенная в языковой практике систему оценивания речевого акта, коллективного ожидания, проявляемого в контексте реализации такого акта. Аксиологический фрейм может быть объектом непосредственного лингвистического наблюдения.

полей *клятвы* в русском и чешском языках с целью выявить в буквальном смысле «цену слов» клятвы позволило исследователям определить, на что готов пойти говорящий, чтобы убедить в серьезности своих намерений, что он готов потерять, как вербализуется самопроклятие клянущегося в качестве цены его слов (Чесноков, Чеснокова 2017: 114). Этнокультурная специфика промисивов изучается в различных аспектах. Так, в работах ряда иранских исследователей внимание сосредоточено на религиозных аспектах обещания как «обета Бога» (например, Vahidnia & Hosseini Nia 2020). В то же время для иранской гуманитаристики характерно все большее внимание к вопросам этнокультурной специфики коммуникации, предопределяющей гибридность идентичности даже в рамках одной языковой общности (см., например: Abbasi & Bagheri 2018).

Анализ различных исследований промисивов показывает, что для развития теории речевого акта актуален поиск концепций, объясняющих общие социальные принципы крупных коммуникативных классов высказываний. Такие концепции становятся все более реальными в связи с цифровизацией коммуникации и физическим интернет-фиксированием языка в его динамике, открытым и удобным для лингвистического наблюдения. Особое место здесь занимают инструменты корпусной лингвистики, направленные на автоматизацию ручной работы в лингвистических исследованиях.

Лексико-семантические поля, как и концепт-ориентированные исследования, предполагают трудоемкую работу по составлению ядерно-периферийных описаний того или иного языкового явления. Различные подходы к таким исследованиям основаны на ассоциативных и психологических экспериментах (Асланов 2020), масштабных выборках (Антропова, Федоров 2021, см. также выборку в докторской диссертации В.В. Антроповой), иные трудоемкие методы, которые одновременно затрудняют получение выводов в силу ограниченности ресурсов самого исследователя и сложны для масштабирования (повторения). В то же время корпусная лингвистика за время своего развития прошла большой путь совершенствования своих инструментов, позволяющих получать значимые результаты и вести мониторинг динамики языка (Kübler & Zinsmeister 2015).

В данном исследовании предлагается применить методы корпусной лингвистики к выявлению аксиологического фрейма обещания – «универсального» контекста этого речевого акта, сформированного в масштабах языковой общности и предопределяющего стратегию обещающего. Возможность такого исследования обеспечивается валидностью корпуса и качеством его разметки, позволяющими извлекать статистически частотные данные о речевом акте как объекте коллективного отношения.

3. Материал и методы исследования

Для предпринятого в настоящей статье исследования материалом стал корпус ruTenTen11 программного обеспечения Sketch Engine (18 280 486 876 токенов, 14 553 856 113 слов из 36 946 344 онлайн-страниц на русском языке).

Корпус сопровождается подробным описанием методов его составления, включающим ручную проверку текстов (очистка корпуса от украинскоязычных и белорусскоязычных вкраплений; очистка от текстов, представляющих собой набор слов без смысла и другие процедуры валидации корпуса². Возможности корпусного анализа с помощью этого инструмента неоднократно становились предметом научных статей, а сами инструменты применялись для различных исследовательских целей (см. подробнее: Kilgarriff et al. 2014). В российской науке инструменты Sketch Engine активно исследуются В.П. Захаровым (Захаров 2018).

В силу двух основных параметров – большого объема и ориентированности на текущую языковую ситуацию – ruTenTen11 удобен для исследования лексико-семантических полей в их привязке к речевым актам как объекту коллективной оценки в современной русскоязычной коммуникации. В исследовании апробирован алгоритм действий по извлечению из корпуса данных, релевантных поставленным задачам, а именно:

1. Использование инструмента Thesaurus для визуализации поля. Проверка ключевого (наиболее весомого) синонима с помощью инструмента Word Sketch.

2. Проверка данных тезауруса методом саплинга инструмента Concordance (с последующим ручным тегированием фиксируемого отношения).

3. Сопоставление полученных данных по выборочным частеречным субкорпусам.

При этом следует отметить, что инструмент Thesaurus позволяет автоматически извлекать из корпуса синонимы заданного слова и, соответственно, формировать лексико-семантическое поле, учитывающее частотные случаи синонимии. Принципы работы Thesaurus в Sketch Engine (в том числе формулы выборки) объясняются непосредственно на самой платформе (ENA, May 31, 2023)³ а также в статье (Kilgarriff et al. 2014). Важно, что автоматические способы составления тезауруса обеспечивают валидность выборки, их ранжирования, а также дополнительно позволяют визуализировать большие данные для их интерпретации. «Синонимия» в инструменте Thesaurus в Sketch Engine понимается расширительно, приближая это понятие к большинству определений лексико-семантического поля. Исследовательский вопрос данной статьи может получить частичный ответ за счет того, что такое поле размещает в определенном иерархическом порядке (ранжирует по частотности) наиболее активные случаи сопоставления заданного слова с реакциями на него и его смысл. Именно эта возможность Thesaurus'a и создает условия для получения данных, достаточных для первого шага интерпретации отношения носителей языка к речевому акту, имеющему конкретную лексическую реализацию (например, «обещать»).

² <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/#toggle-id-1>

³ <https://www.sketchengine.eu/wp-content/uploads/ske-statistics.pdf>

Вторая ступень предполагает полуавтоматическую и ручную работу с инструментом саплинга, встроенного непосредственно в Thesaurus. На этом этапе могут быть получены конкретные примеры, в которых реализуется отношение к речевому акту. Принцип саплинга позволяет избежать ошибок интерпретации, проверить выдвинутые на первом шаге гипотезы. Важный момент – объем саплинга. Хотя возможны различные статистические подходы, в данном случае сам принцип саплинга представляет собой взвешенный анализ больших данных: система автоматически выбирает заданное количество примеров равномерно из всего объема данных. Однако – чтобы избежать возможных ошибок – была применена формула $3 \times 0,0001$ (три выборки по 0,0001 от общего объема). Так как саплинг составляется при задаче любого изменения общего числа примеров в выборке заново и не повторяет предыдущую выборку (даже если различие всего в единицу), то формула каждой из трех выборок была следующая:

$$V_1 = 0,0001 \text{ от объема выдачи (округляется до целого числа)}$$

$$V_2 = V_1 + 1$$

$$V_3 = V_1 - 1$$

Так, для результатов запроса «обещание» было получено 311 365 вхождений в корпус. Выборки для наблюдений, рассчитанные по приведенным выше формулам, составили 31, 32 и 30. Эти значения последовательно вводились в инструмент случайной выборки по корпусу. Полученные примеры анализировались вручную с определением отношения к речевому акту из контекста его упоминания (ни один пример не дублировался в других выборках).

Наконец, третий шаг предполагал выборочное обращение к тезаурусам по другим частям речи с тем же значением с целью проверки интерпретации данных второго шага. На этом этапе ставилась задача убедиться в том, что выявленные закономерности не разрушаются при обращении к иным вариантам манифестации речевого акта, а обнаруженное коллективное отношение к речевому акту действительно может быть интерпретировано как аксиологический фрейм речевого акта в целом.

4. Результаты

При осуществлении первого шага алгоритма исследования инструмент Thesaurus дает следующую картину поля речевого акта *обещание* (см. рис. 1).

Для построения данного тезауруса была использована функция кластеризации и частотности. Анализ тезауруса показал, что ключевой связкой в тезаурусе является связка «обещание – слово» (на рис. 1 визуализировано размером шрифта, отражающим частотность и значимость связки). Поэтому далее внимание было сосредоточено именно на этой связке (процедура анализа совпадала с действиями, представленными в описании второго шага, см. табл. 1 и 2): были составлены выборки внутри сегмента «слово» поля «обещание», проведено их тегирование и сделаны подсчеты.

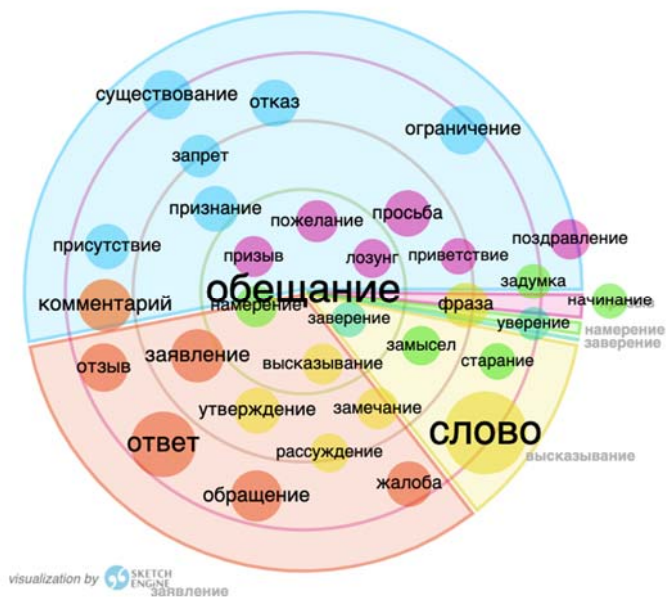

Рис. 1. Тезаурус по запросу «обещание»
(визуализация выполнена инструментами Sketch Engine) /
Figure 1. Thesaurus for the query "promise" (visualized by Sketch Engine tools)

Для уточнения коллективного отношения к обещанию как речевому акту согласно второму шагу алгоритма был составлен конкорданс по простому запросу (выбор опции *simple*) *обещани**. В результате получен конкорданс на 311 365 вхождений (17.03 употреблений на миллион токенов, то есть 0.001703 % от полного корпуса). Первая случайная выборка задана на 0,0001 % с округлением до целого: $V_1 = 31$. Далее согласно алгоритму работы проведено тегирование каждого вхождения, отражающее качественный анализ содержания высказывания (включая в отдельных случаях обращение к более полному фрагменту корпуса для прояснения контекста). Задача анализа на этом этапе – выяснить отношение к речевому акту обещания. Методика ручного тегирования представляла собой маркирование вхождения: «+» – позитивное отношение, «-» – негативное, «N» – нейтральное, «искл.» – нерелевантное (ситуации неадекватного текста или контекста, например, включение анализируемого слова в заглавие), а также составление примечаний, содержащих ключевые пояснения к типу отношения.

В предлагаемой методике извлечения данных и их интерпретации наибольшую сложность представляла именно ручная разметка полученных выборок по шкале «позитивное – нейтральное – негативное». Требовалось выявить ценностно-смысловое содержание контекста вхождений «обещани*», а следовательно, предложить критерии такого выявления. На этом этапе коллектив авторов столкнулся со сложностями параметризации «языковой интуиции». В научной литературе работа по формальному маркированию позитивных и негативных высказываний активизировалась в последние

годы в связи с развитием технологий искусственного интеллекта и глубокого машинного обучения, требующего четкой алгоритмизации автоматических инструментов. В то же время в лингвистических исследованиях предлагаются ряды маркеров оценочности, включая специальные исследования маркеров иронии и сарказма (Alba-Juez 2014, Шевелева 2022 и др.). На основе этих источников для решения задачи маркирования элементов выборки была разработана следующая схема шкалы «позитивное – нейтральное – негативное» (табл. 1).

Таблица 1. Критерии тегирования данных

	Позитивное (+)	Нейтральное (N)	Негативное (-)	
			Прямая негация	Скрытая негация
Ценностно-смысловое наполнение	Подчеркивание значимости выполнения обещания	Отсутствие оценки	Неприятие необязательности обещания для обещающего; недоверие	Уверенность в необязательности обещания для говорящего; недоверие
Эксплицитные маркеры	Связки «обещать – сделать», усилитель «полностью» (выполненное обещание), усилитель «обязательно» (выполнить обещание) и им подобные; оценочная одобрительная лексика	Безоценочная констатация факта обещания	(см. рис. 2): «судить», «лгать», «льстить», «врать», «клясться», «обманывать», «болтать»; повторы («обещать и обещать»); «отказ от обещания» в сочетании с прямой негативной оценкой (оценочная осуждающая лексика)	Ирония: кавычки, наличие смысловых антонимов, игра слов, каламбуры Сарказм: гиперболизация, парцелляция, архаизмы, маркеры «горькой иронии» (эмоционально-окрашенная лексика, сигнализирующая о негативном отношении и осуждении)
Имплицитные маркеры	Отсутствие противопоставлений, смысловых антонимов к эксплицитным маркерам, маркеров негативного высказывания, маркеров «ложной позитивности»	Отсутствие маркеров позитивного и негативного высказывания	Отсутствие уступки (хотя...) с переходом к аффирмации	Отсутствие противопоставлений, смысловых антонимов к эксплицитным маркерам, маркеров позитивного высказывания

Table 1. Data tagging criteria

	Positive (+)	Neutral (N)	Negative (-)	
			Direct negation	Indirect negation
Value-semantic content	Emphasizing the importance of fulfilling a promise Explicit markers	Lack of evaluation	Rejection of the optionality of a promise for the promiser; distrust	Confidence that a promise is not obligatory for the speaker; distrust

	Positive (+)	Neutral (N)	Negative (-)	
			Direct negation	Indirect negation
Explicit markers	"promise – do", the amplifier "completely" (fulfilled promise), the amplifier "mandatory" (fulfill the promise); evaluative approving vocabulary "refusal of a promise" in combination with a direct negative assessment (evaluative	Non-judgmental statement of the fact of a promise	(see Fig. 2): "promise", "lie", "flatter", "lie", "swear", "deceive", "talk"; repetitions ("promise and promise"); ligaments of the condemning vocabulary)	Irony: quotation marks, the presence of semantic antonyms, puns. Sarcasm: hyperbolization, parcellation, archaisms, markers of "bitter irony" (emotionally colored vocabulary, signaling a negative attitude and condemnation)
Implicit markers	Absence of oppositions, semantic antonyms to explicit markers, markers of negative statements, markers of "false positivity"	Absence of markers of positive and negative statements	Absence of concession (although ...) with the transition to affirmation	Absence of oppositions, semantic antonyms to explicit markers, markers of positive statements

Эта часть работы представлена в табл. 2 на фрагменте выборки V₁ *обещани** (см. полные данные сампинга – 31 позицию – здесь: <https://disk.yandex.ru/i/kVVPFrtxC-RF5w>), примеры из двух контрольных таблиц V₂ и V₃ не приводятся, а дается общая статистика данных по выборкам (табл. 3).

Таблица 2. Пример результата сампинга V₁ *обещани**

1	dolgo-stroim.ru	<s>Дольщики ждут конструктивных действий, а не пустых обещаний.</s> ⁴	–	дефицит доверия; маркер – «пустое» (обещание)
2	ezoterika.ru	<s> Священник: Нил и Нэнси пришли в этот вечер сюда не для того, чтобы дать торжественное обещание или обменяться священным обетом.</s>	N	привязка к свадебному ритуалу (обет)
3	vladnews.ru	<s>Особенно если это верность власти своим посулам и обещаниям .</s>	–	после обращения к полному тексту: сомнение в способности власти исполнить обещание, маркер – уст. «посул»
4	220kamin.ru	<s>При мысли о воине кайова, которого он убил, чтобы исполнить обещание , данное умирающему дяде, Натаниэль поморщился.</s>	+	выполненное любой ценой обещание

⁴ Примеры вхождений приводятся в том виде, как они представлены в корпусе, с сохранением оформления текста.

5	thelib.ru	<s>Единственные новации, которые он себе позволил, – это призыв к «ускорению» социально-экономического прогресса, обещание «усовершенствовать» социалистическую демократию и подчеркнутое упоминание о «развитом социализме», что, впрочем, удовлетворило всех.</s>	–	ирония, маркер – кавычки.
6	film.ru	<s>За трехлетний период существования компании Стивенс поработал продюсером или ответственным продюсером на более чем 40 фильмах, таких как: « Обещание « с Джеком Николсоном, «3000 миль до Грейсланда» с Кевином Костнером и Кертом Расселом – оба фильма прокатываются в Штатах через дистрибьюторское соглашение с Уорнер Бразерс.</s>	искл.	случайное вхождение (заглавие фильма)
7	screenwriter.ru	<s>Впрочем, в последнем десятке серий святость героини ставится под сомнение: она совершенно неожиданно начинает лгать по мелочам (и не всегда эта ложь во спасение), отказывается от обещания , данного Чоле, взять ее к себе в дом, когда все утрясется.</s>	–	нарушение обещания (отказ выполнить обещание), маркер – «ложь», «лгать»
8	kvaisa.ru	<s>По-прежнему изобилие разговоров и обещаний при отсутствии кардинальных сдвигов в том, чтобы при огромной финансовой помощи России облегчить жизнь простых людей.</s>	–	сарказм; маркер – «изобилие» (обещаний)

Table 2. Result of Sampling V1 Promis*

1	dolgo-stroim.ru	<s>Investors are waiting for constructive actions, not empty promises.</s>	–	lack of trust: the marker “empty” (promise)
2	ezoterika.ru	<s> Priest: Neal and Nancy came here this evening not to make a solemn promise or exchange a sacred vow.</s>	N	binding to the wedding ritual (vow)
3	vladnews.ru	<s>Especially if it is the government's loyalty to its inducements and promises.</s>	–	after referring to the full text: doubt about the ability of the government to fulfill the promise; the marker – “inducement” (arch.)
4	220kamin.ru	<s>Nathaniel grimaces at the thought of the Kiowa warrior he killed to fulfill his promise to his dying uncle.</s>	+	Promise fulfilled at all costs
5	thelib.ru	<s>The only innovations that he allowed himself were the call for "acceleration" of socio-economic progress, the promise to "improve" socialist democracy and the emphasized omission of “developed	–	irony, contempt, the marker – quotation marks

		socialism”, which, however, satisfied everyone.</s>		
6	film.ru	<s>During the company's three-year existence, Stevens has worked as a producer or executive producer on more than 40 films, such as: “The Promise” with Jack Nicholson, “3000 Miles to Graceland” with Kevin Costner and Kurt Russell – both films are screened in the States through a distribution agreement with Warner Bros.</s>	excl.	irrelevant occurrence (a movie title)
7	screenwriter.ru	<s>However, in the last ten episodes, the sanctity of the heroine is called into question: she quite unexpectedly begins to lie about trifles (and not always this white lie), refuses the promise given to Chola to take her to her house, when everything settles down.</s>	–	breach of promise (refusal to fulfill a promise), the marker – “lie”
8	kvaisa.ru	<s>There is still an abundance of talk and promises in the absence of fundamental changes in making life easier for ordinary people with Russia's huge financial assistance.</s>	–	Sarcasm; the marker – “an abundance”

Проведя работу, представленную в табл. 2, по контрольным выборкам V2 (32) и V3 (30), получили следующие данные (табл. 3).

Таблица 3. Сводные данные по коллективному отношению к речевому акту обещания

	V ₁ (31)	V ₂ (32)	V ₃ (30)
Исключено	3	1	1
Позитивное отношение	8 (28 %)	5 (16 %)	5 (17 %)
Негативное отношение	18 (65 %)	22 (71 %)	16 (55 %)
Нейтральное отношение	2 (7 %)	4 (13 %)	8 (28 %)

Table 3. Summary data on the collective attitude to the speech act of promising

	V ₁ (31)	V ₂ (32)	V ₃ (30)
Excluded	3	1	1
Positive attitude	8 (28 %)	5 (16 %)	5 (17 %)
Negative attitude	18 (65 %)	22 (71 %)	16 (55 %)
Neutral attitude	2 (7 %)	4 (13 %)	8 (28 %)

Третий шаг – выборочное использование данных, полученных с помощью инструмента Word Sketch с другими частями речи. Так, поиск по глаголу «обещать» дает следующую выборку в части «и / или» (приведены вхождения с частотностью выше 10, см. табл. 4; визуализация этих данных – см. рис. 2).

Таким образом, результаты первого шага исследования (выбора наиболее существенной связки в поле «обещание») показали, что наиболее частотным оказывается сегмент «слово» (рис. 1). Этот синоним может нести как позитивную (например, «обещать – дать слово»), так и негативную (например, «обещания – слова, а не дела») нагрузку. Поэтому по формулам, описанным

ранее, были сделаны выборки и проведено их тегирование. В результате оказалось, что в среднем 72 % вхождений этого сегмента окрашены негативной оценкой (в статье ход этой проверки не приводится из-за экономии места; подробно алгоритм исследования показан на втором шаге).

Таблица 4. Данные корпуса по запросу «обещать: и/или»

	«обещать +...» (<i>обещать и...; обещать или...</i>)	частотность	доминирующее ценностно-смысловое наполнение
1	обещать	160	негативное (недоверие, раздражение)
2	жениться	61	негативное (сомнение, обман)
3	гарантировать	41	нейтральное
4	обманывать	28	негативное
5	исправляться	27	позитивное
6	клясться	27	негативное (сомнение, недоверие)
7	врать	26	негативное
8	сулить	19	негативное (сомнение, недоверие)
9	лгать	18	негативное
10	раскаиваться	17	позитивное
11	льстить	16	негативное
12	извинять	15	негативное (недоверие)
13	уговаривать	15	негативное (недоверие)
14	оправдывать	15	негативное (сомнение)
15	угрожать	14	позитивное*
16	болтать	12	негативное

* фактически речевой акт «обещание» в этих примерах срывается с речевым актом «угроза»; контекст показывает, что угрожающие намерения близки формуле «сказано – сделано»).

Table 4. Enclosure data on the request "promise: and / or"

"promise +..." (<i>promise and...; promise or...</i>)	frequency	marker of relationship
promise	160	negative (distrust, irritation)
marry	61	negative (doubts, deceit)
guarantee	41	neutral
deceive	28	negative
improve	27	positive
swear	27	negative (doubts, mistrust)
lie (vulg.)	26	negative
induce	19	negative (doubts, mistrust)
lie (liter.)	18	negative
repent	17	positive
flatter	16	negative
sorry	15	negative (deceit)
persuade	15	negative (deceit)
justify	15	negative (doubt)
threaten	14	positive*
blab	12	negative

* in fact, the speech act "promise" in these examples is merged with the speech act "threat"; context shows that threatening intentions are close to the formula "it is said – it is done").

Рис. 2. Визуализация запроса «обещать: и / или»
(визуализация выполнена инструментами Sketch Engine)

Figure 2. Visualization of the “promise: and / or” request (visualization done by Sketch Engine tools)

Результатом второго шага, связанного с выборками по запросу «обещани*», стали статистические расчеты, показавшие, что во всех контрольных выборках сохраняется заметное превалирование негативного отношения к речевому акту обещания: в первой выборке соотношение негативного и позитивного отношения составляет 2,2 раза, во второй – 4,4 раза, третьей – 3,2 раза. В среднем (в силу строгой равномерности сэмплинга в корпусе) можно говорить о трехкратном превышении негативных вхождений над позитивными. Обещания в разных примерах выборки называются «пустыми», «ложными», «баснословными»; важно, что и, казалось бы, позитивные оценочные эпитеты оказываются дезавуированы в контексте (например, словосочетание «клятвенные обещания» в ста процентах случаев маркировано как выражение негативного отношения – иронии, недоверия, презрения).

Третий шаг исследования показал, что из 16 частотно значимых связей с глаголом «обещать» 12 окрашены негативно, что составляет 75 % сегмента. Здесь подтверждаются выявленные на предыдущих шагах закономерности: при переходе от манифестации речевого акта в виде существительного «обещание» к глаголу «обещать» не меняется количественное соотношение ценностно-смыслового наполнения контекста. Негативная оценка доминирует и находит выражение в разных формах недоверия.

5. Дискуссия

Ценностно-смысловое обобщение этноцентричного отношения к определенным речевым актам может быть выявлено различными методами, например, при обращении к пословицам и поговоркам. Следует отметить также, что аксиология пословиц отличается определенной амбивалентностью. Например, в русском языке есть и пословица «Обещанного три года ждут», фиксирующая негативное отношение к обещанию, и поговорка «Дал слово – держи», манифестирующая ценность обещания как обязательства. То же самое обнаруживаем, например, и в иранской культуре: «Голову потеряй, но обещание сдержи» соседствует с поговоркой «Обещания в поле» (обещать в момент полевых работ, когда все настолько заняты сбором урожая, что не могут внимательно отнестись к обязательствам говорящего; пословица означает «обещать, заведомо решив не выполнять»). Неоднозначность ценностно-смысловой сферы пословиц неоднократно становилась предметом исследований (см., например, Байрамова 2017), подчеркивалась семантическая открытость пословиц, позволяющая реинтерпретировать («переворачивать») их смысл (Хлебда 1994, Вальтер 2014). Кроме того, хотя пословицы отражают многовековой опыт этноса, они нередко (как и фразеологизмы) вытесняются из зоны узуса, архивируются в словарях и художественной литературе, становятся непонятны новым поколениям. Одной из причин такой архаизации исследователи называют и сдвиги в ценностной сфере общества, ведущие к «перемещению пословиц на периферию паремиологической системы» (Королевич 2013, 150). Таким образом, в условиях меняющегося мира и ориентиров его развития возникает необходимость в поиске новых способов определения этноцентричного отношения к ценностям, в том числе и составляющим ценностно-смысловую сферу речевых актов. Обращение к лингвистическим корпусам, представляющим собой крупные срезы языковых практик современности, позволяет вести своеобразный мониторинг сдвигов в ценностно-смысловой сфере и фиксировать феномены этноцентричного отношения к речевым актам как аксиологическим фреймам. Предложенные в данной статье подходы и методы отличаются охватом данных именно современного языка, позволяют определить изменения и сдвиги в актуальном узусе.

Результаты проведенного исследования показывают, что речевой акт «обещание» в русской лингвокультурной общности получает достаточно явно манифестированную коллективную оценку. Эта оценка представляет собой обобщение ценностно-смысловой сути речевого акта, при этом сам речевой акт обретает свойства аксиологического фрейма: обещающий вынужденно оказывается в ситуации *недоверия* слушающего уже в тот момент, когда обращается к речевому акту обещания. Корпусные данные показывают, что сам акт обещания сопоставляется с глаголами «обманывать», «врать», «сулить», «лгать», «уговаривать», «болтать» (см. табл. 4 и визуализацию на рис. 2). Наиболее частотное «обещать и обещать» также оказывается в зоне негативной оценки и ожидания неисполнения обещаний, их пустоты.

Возможность выявления коллективного отношения к речевому акту открывает перспективы дальнейшего лингвистического исследования (например, изучение *вынужденной избыточности* при реализации конкретного речевого акта – обещания – с целью преодоления недоверия, которое возникает вне зависимости от конкретного контекста). Важно, что предложенный подход позволяет расширить представления о выборе коммуникативных стратегий, а также прояснить механизмы такого выбора в «серой зоне» коммуникации, как ее назвала О.А. Леонтович (2019, 179), где участники определяют «позитивность» или «негативность» высказывания: возможно, предзаданная оценка акта обещания оказывается одним из решающих факторов такого выбора, подавляющим частные уникальные условия коммуникации.

Исследователи подчеркивают, что провалы межкультурной коммуникации нередко связаны с этноцентризмом – стремлением участников оценивать друг друга по сложившимся канонам своей лингвокультурной общности, нежеланием / неспособностью учитывать разнообразие и разноликость культур (Larina 2015: 196, 203). Этот тезис может быть распространен и на внутрикультурную стереотипизацию коммуникации. Так же, как в случае с этноцентризмом, участник коммуникации готов вынести негативную оценку коммуникативному поведению (или, пользуясь определением Т.В. Лариной, этностилю) представителя другой лингвокультурной общности только на основании того, что не совпадают нормы и каноны культур, коллективный негативизм «отягощает» коммуникацию в части реализации таких речевых актов, как «обещание», ведет к добавочным барьерам в осуществлении коммуникации и достижении ее целей (см. Ларина 2013, Прохоров, Стернин 2016).

Л.И. Богданова (Богданова 2019) указывает на воздействие на грамматику языка культурной и ценностной составляющей; отмечает, что русская ментальность проецируется на сам способ концептуализации объектов, требуя, например, в области самооценки, представленной в значении глагола, позиции такого адресата, как «Зритель, Аудитория, Судья» (Богданова 2019: 16). Такие проекции обнаруживаются и в манифестации коллективного отношения к речевому акту: обещание в русском языке содержит в себе «готовую позицию» адресата – недоверие, а значит, «обрастает» обязательными добавочными элементами убеждения, направленными на преодоление жестких аксиологических границ речевого акта. Обращение к ценностному аспекту (проявляющемуся, метафорически говоря, в стигматизации любого обещания, его дезавуировании уже в силу того, что это обещание – речевой акт, маркированный в русской лингвокультурной общности негативно) развивает идеи В.В. Дементьева, указывающего на проблему «внутрикультурных речевых ценностей» (Дементьев 2022).

Ограничения предложенного метода связаны с качеством корпусов и выборок, на которых построено исследование, с прекращением работы конкретного инструмента Sketch Engine на территории России в настоящее время,

а также с интерпретационной частью, где требуется установление позитивности – нейтральности – негативности высказывания. В то же время переключение внимания с самих речевых актов обещания («Я обещаю, что...») на отношение к этим актам («Он обещает, что...») представляется полезным исследовательским ходом, методы осуществления которого могут быть расширены и применены к любым корпусам и данным, в том числе и к работе на больших данных поисковых систем (например, в браузере «Яндекс» и его встроенной подсистеме WordStat).

Обращение в исследовании к корпусной лингвистике, использование выборок, рассчитываемых автоматически на всем массиве данных, и сопоставления их результатов имеет также самостоятельное значение в работе по обучению русскому языку как иностранному. Так как перед студентом открывается возможность анализа примеров, статистически релевантных современному частотному словоупотреблению, то создаются условия для знакомства с коллективной оценкой речевого акта и уяснением особенностей обещания в изучаемой лингвокультурной общности. В обращении к инструментам корпусной лингвистики с дидактическими целями именно в части демонстрации особенностей отношения к речевым актам со стороны воспринимающей их аудитории видится вклад в развитие этнометодики (Хавронова, Митрофанова 2017, см. также Демьянков 2021).

6. Заключение

Проведенное исследование показывает, что в современной русской лингвокультурной общности формируется в целом негативное отношение к обещанию как определенному речевому акту; в узусе активно используется синонимия с этически-негативными «лгать», «обманывать», «болтать»; «пустота», «невыполнение» и т. п. Выявление этноцентричного, то есть собственного всей лингвокультурной общности отношения к речевому акту определенного типа (в данной статье – на примере обещания) позволяет говорить не только об отдельном «слушателе» или различных вариантах аудитории, но о прагматике, реализованной в виде «макроколлективного акта» (Altahmazi 2020, см. также Синельникова 2019). Если Джон Серль говорил об условии искренности в описании речевого акта обещания, то изложенные в статье результаты исследования доказывают незначимость этого условия. Обещание как таковое дается говорящим в условиях *коллективного недоверия* к его словам (независимо от соблюдения «условия искренности», по Серлю). Сама идея удалить «неискренние» обещания из группы промисивов согласно предложению В. Оглезнева (Ogleznev 2019) теряет актуальность: как бы ни был искренен говорящий, его обещание будет восприниматься с недоверием. Средства корпусной лингвистики могут использоваться для получения срезов такого отношения на определенных отрезках времени. Применение различных способов сбора данных в «оцифрованном» поле коммуникации открывает перспективы мониторинга сдвигов в ментально-языковой

активности лингвокультурных общностей. Внимание к коллективному отношению к самой коммуникативной сути речевого акта (обещание, клятва, просьба и т. п.) способствует коррекции представлений о «жизни» слов в конкретных лингвокультурных языковых общностях (например, как отмечалось выше, синонимия «обещания» со словом «обманывать» просматривается и в пословицах, однако повседневная языковая практика выводит такую синонимию на уровень ключевого значения самого слова). Представленные в статье методы анализа могут стать частью работы со студентами, изучающими русский (шире – любой иностранный) язык: им предоставляется возможность самостоятельно вести наблюдения за коллоквиальным употреблением слов и делать выводы об уместности того или иного выражения, особенностей «горизонта ожидания» воспринимающего сознания носителя языка в случае обращения к определенным речевым актам.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антропова В.В., Фёдоров В.В. Верификация ценностных доминант в региональном медиадискурсе: травмирующе-фобический сегмент информационного поля // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 4. С. 158–168. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-4-158-168> [Antropova, Vera V. & Vasily V. Fedorov. 2021. Verifikatsiya tsennostnykh dominant v regional'nom mediadiskurse: travmiruyushche-fobicheskiy segment informatsionnogo polya. (Verification of value dominants in the regional media discourse: Traumatic phobic segment of the information field). *Humanity Vector* 16 (4). 158–168. (In Russ.)].
- Асланов И.А. Метафорический фрейминг в медиатекстах и коммуникации о депрессии: результаты контент-анализа и эксперимента // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 6. С. 3–22. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2020.322> [Aslanov, Ivan A. 2020. Metaforicheskiy freyming v mediatekstakh i kommunikatsii o depressii: rezul'taty kontent-analiza i eksperimenta (Metaphorical framing in media texts and communication about depression: Results of content analysis and experiment). *The Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism* 6. 3–22. (In Russ.)].
- Байрамова Л.К. Семантическая амбивалентность аксиологической фразеологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. Т. 52. № 3. С. 121–127. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-121-127> [Bairamova, Luiza K. 2017. Semanticheskaya ambivalentnost' aksiologicheskoy frazeologii (Semantic ambivalency of axiological phraseology). *Issues of Cognitive Linguistics* 3 (52). 121–127. (In Russ.)].
- Богданова Л.И. Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18. [Bogdanova, Lyudmila I. 2019. Kul'turnyye parametry v grammatike dlya rechevykh deystviy (Cultural parameters in grammar for speech actions). *The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication* 4. 9–18. (In Russ.)].
- Бугрова С.Е., Курьшева В.И., Маштакова К.С. Обещание как прагматический феномен в современном английском языке // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2016. № 30. С. 49–53. [Bugrova, Svetlana Ye., Valentina I. Kuryshcheva & Ksenya S. Mashtakova. 2016. Obeshchaniye kak pragmaticheskiy fenomen v sovremennom angliyskom yazyke (Promise speech act as pragmalinguistic phenomenon

in modern English). *Theory and Practice of Linguistic Description of Colloquial Speech* 30. 49–53. (In Russ.).

- Былина Е.Э. Обещание в различных речевых стратегиях // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. Т. 2. № 29. С. 18–25. [Bylina, Elena E. 2018. Obeshchaniye v razlichnykh rechevykh strategiyyakh (Promise in various speech strategies). *Topical Issues of Modern Philology and Journalism* 2 (29). 18–25 (In Russ.).]
- Былина Е.Э. Применение прототипического подхода для анализа речевого акта обещания (на материале современного английского языка) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018а. № 25. С. 51–54. [Bylina, Elena E. 2018. Primeneniye prototipicheskogo podkhoda dlya analiza rechevogo akta obeshchaniya (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) (Application of the prototypical approach to the analysis of the speech act of promise (based on the material of modern English)). *Bulletin of the Khakass State University named by N. F. Katanov* 25. 51–54. (In Russ.).]
- Вальтер Х. Культурологический фон в пословицах-«перевёртышах» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. Т. 3. № 45. С. 42–46. [Walter, Harry. 2014. Kul'turologicheskii fon v poslovitsakh-«perevortyshakh» (Culturological background in proverbs-“shifters”). *Problems of History, Philology, Culture* 3 (45). 42–46. (In Russ.).]
- Власян Г.Р., Кожухова И.В. Формальные и неформальные приглашения в русском языке: контекст и стратегии вежливости // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 4. С. 994–1013. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-4-994-1013> [Vlasyan, Gayane R. & Irina V. Kozhukhova. 2019. Formal'nyye i neformal'nyye priglasheniya v russkom yazyke: kontekst i strategii vezhlivosti (Formal and informal invitations in Russian: Context and politeness strategies). *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 994–1013 (In Russ.).]
- Воейкова А.А. Промисив как коммуникативный тип предложения в русском и американском рекламном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 83. Т. 29. № 320. С. 13–16. [Voyeykova, Anna A. 2013. Promisiv kak kommunikativnyy tip predlozheniya v russkom i amerikanskom reklamnom tekste (Promise as a communicative type of sentence in Russian and American advertising text). *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series Philology. Art history* 83 (29). 13–16. (In Russ.).]
- Гиматова Л.И. Семантическая классификация субстантивов лексико-семантического поля ‘intellekt’ (интеллект) в романе Г. Гессе «Игра в бисер» и его переводах на русский язык // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 5. С. 1109–1121. [Gimatova, Luiza I. 2018. Semanticheskaya klassifikatsiya substantivov leksiko-semanticheskogo polya ‘intellekt’ (intellekt) v romane G. Gesse "Igra v biser" i yego perevodakh na russkiy yazyk (Semantic classification of substantives of the lexical-semantic field "intellekt" in H. Hesse's novel "The glass bead game" and its translation into the Russian language). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* 160 (5). 1109–1121. (In Russ.).]
- Дементьев В.В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // *Жанры речи*. 2022. Т. 1. № 33. С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20> [Dementiev, Vadim V. 2022. Snova o «zhanrakh rechi i yazyke rechi»: chto dala zhanrovedeniyu lingvistika? (Again about “genres of speech and the language of speech”: What did linguistics give genre studies?). *Speech Genres* 1 (33). 6–20. (In Russ.).]
- Демьянков В.З. О двойных рубежах между мнениями и реальностями в русском дискурсе // *Когнитивные исследования языка*. 2021. Т. 2. № 45. С. 44–57. [Demyankov, Valery Z. 2021. O dvoynykh rubezhakh mezhdru mneniyami i real'nostyami v russkom

- diskurse (On the double frontiers between opinions and realities in Russian discourse). *Cognitive Language Research* 2 (45). 44–57. (In Russ.).
- Захаров В.П. Функциональность инструментов корпусной лингвистики // Труды международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2018. В 2 т. Т. 2. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2018. С. 164–180. [Zakharov, Viktor P. 2018. Funktsional'nost' instrumentov korpusnoy lingvistiki (Functionality of corpus linguistics tools). *Proceedings of the International Conference on Computational and Cognitive Linguistics TEL-2018*. In 2 volumes. Vol. 2. 164–180. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (In Russ.).]
- Колоколова Н.М. Профессиональная и терминологическая лексика в институциональных маскулинных промиссивах в английском, немецком и русском языках // Гуманитарные исследования. 2012. Т. 2. № 42. С. 92–96. [Kolokolova, Natalya M. 2012. Professional'naya i terminologicheskaya leksika v institutsional'nykh maskulinnykh promissivakh v angliyskom, nemetskom i russkom yazykakh (Professional and terminological vocabulary in institutional masculine promises in English, German and Russian). *Humanities Studies* 2 (45). 92–96. (In Russ.).]
- Королевич С.А. Архаизация русских пословиц: некоторые факторы и причины // Беларуско-русско-польское супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зборнік навуковых артыкулаў; пад навук. рэд. Г.М. Мезенка. Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. С. 150–152. [Korolevych, Stanislava A. 2013. Arkhaizatsiya russkikh poslovits: nekotorye faktory i printsipy (Archaization of Russian proverbs: Some factors and reasons). In G. M. Mezenok (ed.), *Belarusian-Russian-Polish comparative linguistics, literary studies, cultural studies*, 150–152. Vitebsk: P. M. Masherov State University. (In Russ.).]
- Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. [Larina, Tatiana V. 2013. Anglichane i russkie: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya. (The English and the Russians: Language, Culture, and Communication). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russ.).]
- Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 164–177. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-9411> [Leontovich, Olga A. 2015. Pozitivnaya kommunikatsiya: postanovka problemy (Positive communication: A theoretical perspective). *Russian Journal of Linguistics* 1. 164–177. (In Russ.).]
- Леонтович О.А. Позитивная личность: коммуникативные особенности и поведенческие характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. Т. 1. № 134. С. 178–184. [Leontovich, Olga A. 2019. Pozitivnaya lichnost': kommunikativnyye osobennosti i povedencheskiye kharakteristiki (Positive personality: Communicative features and behavioral characteristics). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University* 1 (134). 178–184. (In Russ.).]
- Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик [и др.]. М. : ИЯЗРАН ; Ярославль : Канцлер, 2022. [Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya (General and Russian linguoaxiology: Collective monograph). 2022. In Maria S. Milovanova (ed.), Moscow : IYAZRAN ; Yaroslavl' : Kantsler (In Russ.).]
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2016 [Prohorov, Jury E. & Iosif A. Sternin. 2016. *Russkie: kommunikativnoe povedenie*. (Russians: Communicative behaviour). Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).]
- Синельникова Л.Н. Речевой акт: от обязательного минимума к дискурсивному максимуму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 187–211. [Sinelnikova, Lara N.

2019. Rechevoy akt: ot obyazatel'nogo minimuma k diskursivnomu maksimumu (Speech act: From a mandatory minimum to a discursive). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences* 5 (71) 3. 187–211. (In Russ.).
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. [Slyshkin, Gennadyj G. 2004. *Lingvokul'turnyye kontsepty i metakontsepty (Linguistic and cultural concepts and metaconcepts)*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.).]
- Стернин И.А. Полевые структуры в системе языка. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1989. [Sternin, Iosif A. 1989. *Polevyye struktury v sisteme yazyka (Field structures in the language system)*. Voronezh: VSU Publ. (In Russ.).]
- Тиллоева С.М. Понятийный аспект структуры семантического поля: на материале персидского и русского языков. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2021. [Tilloeva, Saodat M. 2021. *Ponyatiynyy aspekt struktury semanticheskogo polya: na materiale persidskogo i russkogo yazykov (Conceptual aspect of the structure of the semantic field: On the material of the Persian and Russian languages)*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. (In Russ.).]
- Хавронина С.А., Митрофанова О.Д. Этнометодика как одно из перспективных направлений преподавания РКИ // Уроки русской словесности: сборник научных трудов / под ред. Л.А. Константиновой. Тула; Москва: Тульский государственный университет, 2017. С. 72–73. [Khavronina, Serafima A. & Olga D. Mitrofanova. 2017. *Etnometodika kak odno iz perspektivnykh napravleniy prepodavaniya RKI (Ethnomethodology as one of the promising areas of teaching Russian as a foreign language)*. *Lessons of Russian literature: A collection of scientific papers*. In Ludmila A. Konstantinova (ed.). Tula; Moscow: Tula State University Publ. (In Russ.).]
- Хлебда В. Пословицы советского народа. наброски к будущему анализу // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 74–84. [Chlebda, Wojciech. 1994. *Poslovitsy sovetskogo naroda. Nabroski k budushchemu analizu (Proverbs of the Soviet people. Sketches for future analysis)*. *Rusistika* 1/2. 74–84. (In Russ.).]
- Чесноков И.И., Чеснокова П. Аксиологические параметры речевого акта «клятва» в русской и чешской лингвокультурах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. Т. 6. № 119. С. 110–115. [Chesnokov, Ivan I. & Petra Chesnokova. 2017. *Aksiologicheskiye parametry rechevogo akta "klyatva" v russkoy i cheshskoy lingvokul'turakh (Axiological parameters of the speech act "oath" in Russian and Czech linguistic cultures)*. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 6 (119). 110–115. (In Russ.).]
- Чилингарян К.П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 196–218 [Chilingaryan, Kamo P. 2021. *Korpusnaya lingvistika: teoriya vs metodologiya (Corpus linguistics: Theory vs methodology)*. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics* 12 (1). 196–218. (In Russ.).]
- Шевелева М.С. Идентификация и интерпретация иронии посредством эмотивных маркеров вторичной эмпатии (на материале англоязычного и франкоязычного художественного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 4. С. 1299–1307. [Sheveleva, Marina S. 2022. *Identifikatsiya i interpretatsiya ironii posredstvom emotivnykh markerov vtorichnoy empatii (na materiale angloyazychnogo i frankoyazychnogo khudozhestvennogo diskursa)* (Identification and interpretation of irony by means of emotive markers of secondary empathy on the example of English and French literary discourse). *Philological Sciences. Questions of theory and practice* 15 (4). 1299–1307. (In Russ.).]

- Abbasi, Zahra & Mahboobeh Bagheri. 2018. The relationship between language attitude and ethnocultural identity components in three generations of Iranian immigrants in Bahrain. *Iranian Journal of Sociolinguistics Payame Noor University* 2. 9–19. URL: https://sociolinguistics.journals.pnu.ac.ir/article_5357_01b6fde858a72b7b44e862705fba11e7.pdf (In Farsi).
- Alba-Juez, Laura. 2014. Irony as Inferred Contradiction. *Russian Journal of Linguistics* 4. 140–153. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-9389>
- Altahmazi, Thulfiqar H. 2020. Collective pragmatic acting in networked spaces: The case of #activism in Arabic and English Twitter discourse. *Lingua* 239, 102837. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102837>
- Austin, John L. 1962. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
- Bicchieri, Cristina. 2005. *The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Clark, Herbert H. & Thomas B. Carlson. 1982. Hearers and speech acts. *Language* 58 (2). 332–371.
- Deveci, Tanju & Jessica Midraj. 2021. “Can we take a picture with you?” The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 68–88. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>
- Fogal, Daniel, Daniel W. Harris & Matt Moss (eds.). 2018. *New Work on Speech Acts*. Oxford : Oxford University Press.
- Habib, Allen. 2022. Promises. In Edward N. Zalta (ed.), *The Stanford encyclopedia of Philosophy* (Summer 2022 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2022/entries/promises/>
- Harris, Daniel W. & Rachel A. McKinney 2021. Speech-Act theory. *The Routledge Handbook of Social and Political Philosophy of Language*. New York: Routledge. 70–90.
- Haugh, Michael & Wei-Lin M. Chang. 2019. Indexical and sequential properties of criticisms in initial interactions: Implications for examining (Im) politeness across Cultures. *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 904–929. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-904-92>
- Kilgarriff, Adam, Vit Baisa, Jan Bušta, Miloš Jakubíček, Vojtěch Kovář, Jan Michelfeit, Pavel Rychlý, & Vit Suchomel. 2014. The Sketch Engine: Ten years on. *Lexicography* 1. 7–36.
- Koo, Hyun Jung & Seongha Rhee. 2013. “I will do it... but I’m Asking you to do it”: On the Emergence of Polite Imperative from Promissive. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 97. 487–494. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.10.263>
- Lanigan, Richard L. 1977. *Speech Act Phenomenology*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Larina, Tatiana V. 2015. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7. 195–215. <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>
- Larina, Tatiana V. & Douglas M. Ponton. 2020. Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews. *Intercultural Pragmatics* 17 (4). 471–496. <https://doi.org/10.1515/ip-2020-4004>.
- Larina, Tatiana & Douglas Mark Ponton. 2022. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal Journal of Politeness Research* 18 (1). 201–226. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>
- Laske, Caroline. 2022. Corpus linguistics: The digital tool kit for analysing language and the law. *Comparative Legal History* 10 (1). 3–32. <https://doi.org/10.1080/2049677X.2022.2063510>

- Leech, Geoffrey & Tatiana Larina. 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics* (former *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Linguistics*) 4. 9–34.
- Ogleznev, Vitaly V. 2019. Is Searlean insincere promise a Speech Act? *Filosofiya. Sociologiya* 30 (3). 215–223.
- Pak, Miok D., Paul Portner & Raffaella Zanuttini. 2008. Agreement in promissive, imperative, and exhortative clauses. *Korean Linguistics* 14 (1). 157–175.
- Reich, Wendelin. 2011. The cooperative nature of communicative acts. *Journal of Pragmatics* 43 (5). 1349–1365. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.10.024.
- Searle, John R. 1965. What Is a Speech Act? In Maurice Black (ed.), *Philosophy in America*, 221–240. London: Allen and Unwin.
- Searle, John R. 1969. *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shafaghi, Maryam. 2013. The Speech Act of “Promise” and “Promise in Political Discourse”. *Language Related Research* 4 (2). 141–158. URL: <http://lrr.modares.ac.ir/article-14-4455-en.html> (In Farsi).
- Thompson, Geoff & Laura Alba-Juez (eds). 2014. Evaluation in Context. *Pragmatics & Beyond New Series*, vol. 242. London: John Benjamins Publishing Company.
- Vahidnia, Farahnaz & Seyed M. R. Hosseini Nia. 2020. The semantics of the word “promise” and its educational implications in the Holy Quran. *Educational Doctrines in Quran and Hadith* 11. 105–124. URL: http://iued.ilam.ac.ir/article_240019.html?lang=en (In Farsi).

Article history:

Received: 28 March 2022

Accepted: 15 April 2023

Bionotes:

Marina V. ZAGIDULLINA is Doctor Habil. of Philology, Professor of the Department of Theory of Media at Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). Her research interests include mediallynguistics, corpus linguistics, theory of mass communication, media aesthetics, theory of journalism, theory and history of literature.

e-mail: marta@csu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4799-1230>

Asghar GHODRATI A. is Assistant Professor of Russian Language and Literature at Allameh Tabataba'i University (Tehran, Iran). His research interests embrace Russian language and philology, as well as teaching Russian as a foreign language.

e-mail: asghar_ghodrati@atu.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0002-6803-8211>

Maryam SHAFAGHI is Associate Professor of Russian Language and Literature at Allameh Tabataba'i University (Tehran, Iran). Her research interests include Russian language and literature, cultural studies, and teaching Russian as a foreign language.

e-mail: shafaghi@atu.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

Сведения об авторах:

Марина Викторовна ЗАГИДУЛЛИНА – доктор филологических наук, профессор кафедры теории медиа Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). В сферу ее научных интересов входят медиалингвистика, корпусная лингвистика, теория массовой коммуникации, медиаэстетика, теория журналистики, теория и история литературы.

e-mail: marta@csu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4799-1230>

Асгар ГОДРАТИ – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы университета им. Алламе Табатабаи (Тегеран, Иран). Сфера его научных интересов включает русский язык и литературу, а также обучение русскому языку как иностранному.

e-mail: asghar_ghodrati@atu.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0002-6803-8211>

Марьям ШАФАГИ – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы университета им. Алламе Табатабаи (Тегеран, Иран). Занимается проблемами русского языка, русской литературы, культурологии, обучения русскому языку как иностранному.

e-mail: shafaghi@atu.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>